

Адриана, Сопатра же почти целиком осудил. . .»⁹. Интересно полемическое противопоставление себя «многим» (т. е. своим современникам) и энергичное выражение («не позволил водить себя за нос»), которое писатель находит для осуждения слепого следования античным образцам.

В сочинении, озаглавленном «О стиле некоторых сочинений», Пселл перечисляет писателей (Демосфена, Исократ, Аристид, Фукидид, Платон, Плутарх, Лисия, Григория Богослова), у каждого из которых он что-то заимствовал для себя. Заканчивается трактат интересной характеристикой собственного творчества: «Если же говорить обо мне, то нет у меня достоинств и силы этих писателей, однако речь моя все время оказывается многообразной (ποικίλλεται δέ μοι διὰ πάντων ὁ λόγος). Свойства каждого (из упомянутых писателей. — Я. Л.) смешиваются у меня в единое целое (εἰς μίαν ἰδέαν). Таким образом, состоя из многих, я един (κάγω μὲν ἐκ πολλῶν εἷς)»¹⁰. По сути дела та же мысль, только в применении к Григорию Богослову, содержится в произведении «Стиль красноречия Григория Богослова, Василия Великого, Златоуста и Григория Нисского». «Он (Григорий. — Я. Л.) не состоит как бы из многих риториков и не следует каждому из них в разных частях своих речей, но, подобно тому, как смешение красок дает новый цвет, краше тех, из которых он произошел, так и цвет речи Григория блещет тысячу цветов. Но по сравнению с ними там есть нечто другое, и он намного их лучше; я не считаю его речь собранием чего-то разнородного и чуждого друг другу, но полагаю, что по своей природе она единообразна (μονοειδῆ τῆ φύσιν)»¹¹.

В приведенных высказываниях Пселл в какой-то степени отдает дань византийскому эклектизму, в то же время позиция писателя весьма знаменательна: теоретик византийской литературы, которую часто (и не совсем без оснований) расценивают как собрание застывших форм, отрицает всякое некритическое следование традиции и утверждает, что сочетание заимствованных элементов должно породить некое новое качество и поднять творчество писателя на более высокую ступень¹².

Большое место, особенно в «Хронографии», занимают рассуждения о границах истории и энкомия. Интерес Пселла к этому вопросу понятен. Значительную часть «Хронографии» занимают характеристики-портреты императоров. Образы монархов с античных времен были предметом изображения главным образом двух жанров: истории и прозаического энкомия. Мастером того и другого жанра был и сам Пселл. Естественно, что соотношение обоих жанров и методов характеристики героев заботит византийского писателя.

Пселл, совершенно не разграничивавший термины «история» и «хронография», неоднократно настаивает на строгом различии жанров истории и энкомия. «. . . В мои намерения входит сейчас не писать энкомий, а создавать истинную историю»; «Поскольку я пишу не энкомий, а истинную историю. . .»; «Если бы я решил создавать энкомий, а не истинную историю. . .»¹³, — подобными замечаниями пестрит текст «Хронографии». Од-

⁹ *Michaelis Pselli Scripta minora*, ed. E. Kurtz, F. Drexl, I—II. Milano, 1936, 1941, I, p. 370.

¹⁰ *Psellos. De operatione daemonum*, ed. Boissonade. Nuremberg, 1838, p. 48—52.

¹¹ De oper. daem., p. 127—128. В другом сочинении Пселл пишет, что Григорий сочетает в себе лучшие элементы стиля античных риториков («не для подражания им», но «чтобы остаться самим собой» (A. Mayer. *Psellos' Rede über den rhetorischen Charakter des Gregorius von Nazianz.* — BZ, 20, 1911, S. 48).

¹² Аналогичные характеристики стиля как сочетания лучших элементов творчества предшествующих писателей встречаются в оценках речей Демосфена Дионисием Галикарнасским и Гермогеном (см. A. Mayer. *Op. cit.*, S. 62). Обращает на себя внимание настойчивое повторение Пселлом мысли об оригинальности заимствующих писателей, о новом качестве, возникающем из смешения старых элементов.

¹³ Chron., I, p. 119; II, p. 146, 149.